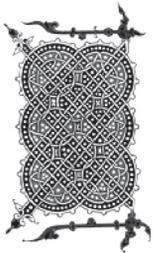

© 2021 И. С. Слепцова (Кызласова)
Москва, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЕКСТЫ ПРОТИВ ЯЗЫЧЕСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению произведений литературы Древней и Средневековой Руси и раннего Нового времени, направленных против языческих верований и практик, как источника для описания игровой культуры. Привлекаются главным образом нормативные, канонические и дидактические сочинения, а также исповедные тексты, в которых содержатся сведения о развлечениях и играх. Основное внимание уделено играм в узком смысле слова (играм с правилами), как наименее изученному феномену культуры данного исторического периода. Это расширяет представления об игровом репертуаре, месте и статусе игры в празднично-обрядовой и повседневной жизни, а также дает возможность проследить процесс десакрализации игры, ее переход в сферу «мирского». Выявленные в письменных памятниках сведения об игровой культуре Средневековья и раннего Нового времени раскрывают их включенность в языческую обрядность и демонстрируют связь с магическими практиками, что было основанием для их преследования и запрещения. Это обстоятельство определяет ограниченность использования данных источников для реконструкции игрового репертуара. В список игр попадают только те, которые расценивались церковью как языческие или нарушавшие социальный порядок и нравственные правила. Упомянутые в древнерусских и средневековых источниках формы народного веселья обнаруживают истоки ряда народных игр, бытовавших в XIX–XX вв., и объясняют их включенность в календарную обрядность.

Ключевые слова: Древняя и Средневековая Русь, игры и развлечения, язычество, антиязыческая литература.

Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования»

Слепцова (Кызласова) Ирина Семеновна (Sleptsova [Kyzlasova] Irina Semyonovna) – старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, i_kyzlasova@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 27. С. 87–100

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 261.2; ББК – 86.7; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-27/87-100>

Памятники литературы часто привлекаются исследователями для характеристики различных сторон истории и культуры Древней и Средневековой Руси, в том числе для описания верований, обрядов и праздников¹. Значительное число трудов посвящено также специфике игровой культуры, однако ученых больше интересуют те формы игрового поведения, которые связаны с языческими верованиями и практиками (Панченко 2000; Власова 2001; Алпатов, Шамин 2016б). Специальных же работ, посвященных собственно играм, немного (Линдер 1984; Рыбина 1997; Сукина 2006; Сукина 2008; Алпатов, Шамин 2016а), хотя они составляли важнейший компонент обрядовой и повседневной жизни. Исчерпывающий анализ игровых феноменов древнерусской культуры произведен в статье С. В. Алпатова и С. М. Шамина (Алпатов, Шамин 2016б). Один из основных вопросов, который приходится рассматривать исследователям, это взаимодействие языческой и христианской составляющих игровой культуры, ее изменение под воздействием христианства. В рамках этой темы обсуждаются проблема отношения церкви к народным играм и развлечениям, и шире – к смеху и веселью, причины их неприятия и способы, которыми священнослужители пытались повлиять на мировоззрение и поведение прихожан.

Позиция Русской православной церкви относительно народной празднично-игровой культуры определялась вхождением ее в Константинопольский патриархат. В раннехристианскую эпоху веселье (игры, песни, пляски, состязания и т.п.) тесно связывалось с исполнением языческих обрядов, почему и подвергалось осуждению со стороны церковнослужителей. В первом Послании апостола Павла к коринфянам сказано: «Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть» (1 Кор. 10, 7). На некоторых Вселенских соборах были приняты постановления, узаконивавшие воззрение христианской церкви на веселье. Так, согласно правилу 50-му Шестого Собора, «никто из мирян и клириков впредь да не предастся предосудительной игре. Аще же кто усмотрен будет творящим сие: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен от общения церковного» (Правила VI Собора). Другие правила (24, 51, 62, 66) запрещали смотреть представления («зрелища») смехотворцев и звериные, плясать на «позорищи», а также осуждали всенародные женские плясания, обычай одеваться мужчине в женскую одежду и наоборот, носить личины. Запрещались празднование календ и народные зрелища в первую неделю после Пасхи (Правила VI Собора)². Эти правила определили отношение Русской православной церкви к народным

развлечениям и играм. Государственная политика в этом вопросе практически полностью совпадала с церковной: как та, так и другая власть боролись против народных праздников и обрядов и связанных с ними развлечений.

Настоящая статья посвящена выявлению форм игрового поведения, которые вызывали неприятие и осуждение со стороны церкви. Основное внимание будет уделено играм в узком смысле слова (играм с правилами), поскольку игровые формы, включающие пляску и пение, игру на музыкальных инструментах, ряженье, силовые состязания, представления скоморохов и т.п. уже достаточно хорошо исследованы (см.: Голейзовский 1964; Ивлева 1994; Горбунов 1999; Власова 2001; Пашина 2005; Петровская 2013; Алпатов, Шамин 2016б; Щуров 2018). Изучение упомянутых в древнерусских и средневековых памятниках письменности игр с правилами позволит более полно представить игровой репертуар, место и статус игры в празднично-обрядовой и повседневной жизни, а также проследить процесс десакрализации игры, ее переход в сферу «мирского».

Описание игрового репертуара допетровского времени наталкивается на определенные трудности, обусловленные малым количеством источников, особенно относящихся к домонгольскому периоду, и их спецификой. Сохранившиеся письменные памятники в первую очередь представляют собой нормативные, законодательные акты, отражающие позицию правящей элиты и написанные с целью регулирования социальной жизни, поэтому они имеют в основном запретительный характер, включают список неподобающих действий и кару за их совершение. Другой класс – это памятники дидактического, нравоучительного содержания (жития, поучения, сказания, отчасти летописи), выполняющие воспитательную функцию. Поэтому перечень игр, составляемый на основе привлекаемых источников, заведомо не может быть полным. Он будет включать только те виды развлечений, которые расценивались церковью как языческие или нарушавшие социальный порядок и нравственные правила. Этим объясняется и то, что в источниках представлены игры только одной возрастной категории – взрослых, в том числе и неженатой (незамужней) молодежи. Игры детей упоминаются редко и без конкретизации.

При обращении к текстам древнерусских и средневековых памятников необходим герменевтический подход, который предполагает акцентирование внимания на их толковании, что подразумевает не только и не столько объяснение устаревшей или диалектной лексики и реалий прошлого, но и расшифровку социокультурных кодов, трактовку

действительности с точки зрения человека прошедшей эпохи. Иначе говоря, необходимо преодолеть культурный разрыв, объективно существующий при обращении к другой исторической эпохе, другой культуре, и раскрыть смысл документа для современного читателя.

Описание форм народного веселья в ранних памятниках древнерусской литературы связано с осуждением языческих верований, обрядов и праздников. Одним из первых упоминаний народных развлечений является запись в «Повести временных лет» под 1068 годом: «... вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от Бога, трубами и скоморохами, гусями и русалиями. Видим ведь игрища утопанные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга, являя зрелище бесом задуманного действа, – а церкви стоят пусты; когда же приходит время молитвы, мало людей оказывается в церкви» (ПВЛ 1950: 314). В «Слове о посте», памятнике, известном по спискам с XVI в., создание же которого относят к XI–XII вв., в одном ряду с идолослужением перечисляются «песни бесовския, плескание, бубны и сопели, козицы (качицы, качели. – И. С.), игранья бесовския» и рекомендуется: «от сих бо дел велят нам отъци духовни бегати» (Слово о посте 1858: 166). В «Слове некоего христолюбца ревнителя по правой вере» (конец XIV – начало XV в.) народное веселье прямо называется идолослужением: «Идолослужение есть пляска, гудьба, песни бесовские, сопели, бубны». Поэтому «не подобает хрестьянам в пирех и на свадьбах бесовских игр играти» (Слова и поучения 1862: 94).

В первом древнерусском нормативном документе – Кормчей книге (XII в.) – осуждаются те, кто принимал участие в состязаниях и играх: «На колесницах уристание творя, или самоборец, или пеш уристание творя на позорищах, или игрецем старейшина, или борец, или свирец, или гудец, или смычник, или плясец, или корчемник – да престанут от таковых. Аще ли же ни, да отвергнутся» (Кормчая 1912: Л. 25 об.). В «Определении Владимирского собора» (1274 г.) порицается «бесовский обычай треклятых элин – в божественные праздники позоры бесовские творить – со свистанием и с воплем и с кличем созываются некие скаредные пьяницы и бьются дрекольем до самой смерти, и взимают от убиваемых порты» (Определения 1880: ст. 95)³. «На укоризну се бывает божьим праздником и на досаждение божьим церквам». Те, кто участвует в боях, должны быть изгнаны «от святых божьих церкв». Если же они будут противиться, то предписывалось не принимать от них приношений в церковь. Убитым в бою грозили проклятьем «в сий век и в будущий», отпевать и хоронить у церкви их не разрешалось (Определения 1880: ст. 95–96).

Кроме того, Владимирским собором предписывалось прекратить веселье в канун воскресенья: «И се слыхам: в субботу вечер собираются вкупе мужи и жены, и играют и пляшут бестудно, и скверну деють в ночь святого воскресения <...> И ныне да останутся того». В случае непослушания «проклинати повелеваем» (Определения 1880: ст. 100).

В другом документе среди грешников, от которых также было запрещено принимать пожертвование в храм – «принос», наряду с неверными, еретиками, татями и разбойниками, грабителями и др. упоминается также «игрец» (Святительское поучение 1880: ст. 107). Отказ прихожанину в получении от него «приноса» был весьма эффективной мерой воздействия, поскольку жертвование рассматривалось как одна из форм очищения от грехов: «От имени дар приносите Богу на очищение грехов своих» (Пучение митрополита Петра 1880: ст. 162).

Особенно строгой регламентации подвергалась жизнь священников, как лиц, которые должны были выступать примером благочестия в быту и от которых зависело поведение их паствы (Романов 2013: 131–158). В «Пучении к братии» новгородского епископа Луки Жидяты (1036 г.), адресованном к новообращенным, он предостерегает братию «от шутовства и бесовских игрищ» (Красноречие Древней Руси 1987: 41). Священникам запрещались «коби или игры <...> леки и шахматы имети» (Святительское поучение 1880: ст. 104–105). В «Пучении новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) 1166 г.» священнослужителям вменялось в обязанность «и о тоурах, и о лодыгах, и о колядницах, и про незаконный бой вы, попове, оумайте детей своих» (Пучение архиепископа Ильи 1880: ст. 370–371).

Таким образом, в ранней древнерусской литературе ясно прослеживается связь народных развлечений с отправлением языческих обрядов и высказывается мысль, что участие в них является «идолослужением», то есть является уклонением от истинной веры. А это, в свою очередь, препятствует спасению души и обретению жизни вечной.

С XVI в. усиливается борьба государственной власти и церкви с остатками язычества, одной из форм которой становятся прямые запреты народных увеселений и угроза применения репрессивных мер по отношению к их нарушителям. В «Послании» игумена Елезарова монастыря Памфила содержится призыв к псковскому наместнику запретить народное гулянье в ночь Рождества Иоанна Предтечи: «Егда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту ночь, мало не весь град взмятется и взбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется и всяка встанет неприязнен-

ная угодиа, яко в поругание и в бесчестье Рождеству Предтечеву. <...> Сотона красуется и печалует ими, Бог прогневался на творяща беззакония сия, егда совершивше ночь ту в всячих играх и делесах неприязненных, в бесовских угодии, яко сущи идолослужители, бесовски праздник сей; подобает же сей день Рождества великого Ивана Предтечи в чистоте и целомудрии духовне и в молитвах празновати. <...> И сия ли Христос избра, и тако ли есть христианоу православным вера и чин, и сия ли есть христианская лепота и закон, игранием и плясанием, и блудом, чародеянием и бесовскими песнями, дудами же и бубны, веселием сотоны самого день Рождения великого Предтечи почитати и празновати, яко не крестьяноу сущим, глумом безлепотным?» (Послание игумена Памфила 1846: 18).

Указание на языческий, а следовательно, греховный характер народных развлечений содержится в «Домострое» (середина XVI в.) – своде правил поведения в быту и в отношениях со светскими и церковными властями, адресованном состоятельным горожанам. Автор помещает развлечения в главу «О неправедной жизни», предупреждая, что, если человек «творит все угодное дьяволу, скомоухов с их ремеслом, пляски и игры, песни бесовские любит, и костями, и шахматами увлекается... прямоком все вместе в ад попадут». В другой главе «Как кормить приходящих в дом чинно» порицается обычай сопровождать пир музыкой и «разными забавами», так как «бесы возрадуются и налетят, свой час улучив, тогда и творится всё, что им хочется: бесчинствуют игроу в кости и в шахматы, всякими играми бесовскими тешатся» (Домострой 2007: 167, 226).

Официальная – государственная и церковная – позиция по отношению к народным праздникам и развлечениям представлена в постановлениях Стоглавого Собора 1551 г. (Грузнова 2012: 22–27). Главной задачей Собора было «исправление церковного благочиния, государственного управления и всякого земского строения» (Стоглав 1863: 8), однако на нем также уделялось большое внимание бытовавшим в народе языческим верованиям и практикам, рассмотрению которых посвящены часть 41 главы, главы с 91 по 94 и 100. В их числе – праздники и развлечения. В первую очередь порицались языческие празднования в канун Рождества Христова и Рождества Иоанна Предтечи. Вместо «сих беснований» православным христианам предписывалось посещать церковь в эти праздники, «чтобы проклятое еллинское беснование впредь попорно было до конца» (Стоглав 1863: 141). Также обличался обычай поминовения умерших на Троицу, когда после плача по покойным начинались «всякие бесовские игры»: «от плача преставше. начнут скакати и пля-

сати. и в долони бити и песни сотонинские пети» (Стоглав 1863: 140) – и другие «нестроения». Относительно игр говорится, что «играние» наряду с праздностью и пьянством «всему злу начало есть и погубление». Решения, касающиеся народных развлечений, опирались на правила 50 и 51 Вселенского VI Собора, которые возбраняют «играти всем и причетником, и мирским человеком зернью и шахматами, и тавлеями, и влириями, рекше костями, и прочими таковыми играми» (Стоглав 1863: 263). Все упомянутые игры относились к азартным, что, кроме языческого характера, и стало причиной их запрещения, поскольку они приводили к разорению людей, невозможности нести государеву службу и заниматься торговлей или ремеслом.

Со временем связь народных развлечений с языческими верованиями и обрядностью стала ощущаться слабее, более актуальным оказалось несоответствие народного веселья, имевшего разгульный, плотский, часто экстатический характер, христианским нравственным нормам и правилам поведения, тем более что игрища практически всегда сопровождали крупные церковные праздники (ср.: Лушников 2018). Иными словами, характер народных игрищ был диаметрально противоположен христианским взглядам на праздничное времяпрепровождение. Например, в челобитной 1651 г. царю Алексею Михайловичу иконописца старца Григория, который наблюдал в Вязьме за предосудительным поведением духовенства и мирян во время праздников, сообщается: «Игрища разные и мерзкие бывают в начале Рождества Христова и до Богоявления, всенощныя. <...> Другое игрище о Троицном дни: за город на курган ходят и неподобная творят. Третье игрище от Петрова дни до Ильина дни: на релях вешаются и на крутящих крутятся; и многих дьявол берет, и деньги тих благословляют при церкви погребати. Тако же о рождестве Иоанна Предтечи всю ночь бесятся, бочки дегтярные зажигают и з гор катают, и веники зажегши скачут» (Соболевский 1890: 130). Обращает на себя внимание, что смерть людей, сорвавшихся с качелей – столбовых («релей») и круглых («крутящих»), рассматривается как неправедная («дьявол берет»), и потому согласно церковным канонам их нельзя было хоронить на кладбище в освященной земле. Однако священники за взятку («деньги») пренебрегали этим правилом и разрешали «при церкви погребати», что было серьезным нарушением с их стороны.

В 1648 г. была разослана по многим городам (в Белгород, Дмитров, Шую, Тобольск) царская грамота «О исправлении нравов и уничтожении суеверия», содержащая подробный перечень «всяких бесовских игр», в том числе круговые и веревочные качели, скакание на досках, зернь, карты, шахматы,

лодыги (Иванов 1850: 296–298). Известны также отписки о получении и принятых по указу мерах из Костромы, Бежецкого Верха и Дмитрова (ААЭ 1836: 307; Харузин 1897: 149). На основе этой грамоты была составлена известная «Память» верхотурского воеводы Рафа Всевожского приказчику Ирбитской Слободы Григорию Барыбину, которая является изложением грамоты царя Алексея Михайловича 1648 г. Среди перечня «богомерзских» занятий упоминаются: «и медведя водят и с собачками пляшут, и зернью, и карты и шахматы и лодыгами играют, и чинят безчинное скакание и плясание, и поют бесовские песни, и на Святой неделе жонки и девки на досках скачут; а о Рождестве Христове и до Богоявленьева дня сходятся мужского и женского полу многие люди в бесовское сомнище, по дьявольской прелести, во многое бесовское действо, играют во всякие бесовские игры <...> и загадки загадывают, и сказки сказывают небылые, и празднословием и смехотворением и кушунанием души свои губят такими помраченными и незаконными делами, и накладывают на себя личины и платье скоморожское, меж себя наряда бесовскую кобылку водят <...> и с качели многие убиваются до смерти» (АИ 1842а: 125). Григорию Барыбину приказывалось по получении этой грамоты читать ее около церкви «не по одиножды» и приказать, «чтобы мирские всяких чинов люди и жены их и дети, в воскресенье и в Господские дни и великий Святых, к церквам Божиим, к пению приходили и в церкви стояли меж себя смиренно». Далее следуют запреты, которые следовало соблюдать: «... И олова и воску не лили, и зернью и карты и шахматы и лодыгами не играли, и медведей не водили и с сучками не плясали, и никаких бесовских дел не творили <...> и по ночам на улицах и на полях богомерзких и скверных песней не пели, и сами не плясали, и в ладони не били, и всяких бесовских игр не слушали, и кулачных боев меж себя не делали, и на качелях ни на каких не качались, и на досках мужской и женский пол не скакали, и личины на себя не накладывали, и кобылок бесовских не наряжали» (АИ 1842а: 126).

В 1657 г. аналогичная «Память» была послана в Устюжский и Соль-Вычегодский уезды. Было велено «учинить заказ крепкой, чтобы отнюдь скомрахов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б, и в домры, и в сурны, и в волынки, и во всякие бесовские игры не играли и песней сатанинских не пели, и мирских людей не соблазняли» (Память Матвею Лобанову 1839).

Однако наряду с гонениями на народные развлечения в XVII в. также отмечается ослабление преследования прежде запрещаемых увеселений. Более того, некоторые развлечения стали использоваться для получения дохода. Известно о поступле-

нии в Приказ тайных дел немалой по тем временам суммы – 121 рубль и 5 алтын, собранных в Суздале и на посаде в апреле 1665 г. за качание на качелях во время Святой недели со «всяких чинов людей» (Забелин 1869: 442). Также была сделана попытка для пополнения казны использовать азартные игры (Веселовский 1909). Правда, церковь сохраняла еще прежнее отрицательное отношение к народным развлечениям. Например, разбившихся при падении с качелей приравнивали к самоубийцам и запрещали хоронить на кладбище (Инструкция старостам 1830: 417). И продолжала бороться с теми формами народных увеселений – игрищами, в которых усматривала остатки язычества. Известен указ Патриарха Иоакима от 24 декабря 1684 г. о запрещении игр на святки (Патриарший указ 1830: 647).

Ценные сведения о составе народных развлечений содержатся в многочисленных памятниках церковно-учительской литературы. Приняв христианство, Русь получила из Византии и богатейшую литературу, в составе которой содержались произведения, направленные против остатков язычества, в частности были очень популярны поучения против «игр сатанинских» Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина. В «Слове Иоанна Златоуста о христианстве», известном на Руси во множестве списков, содержится обличение двоеверия, причем особый упор делается на осуждение игр и веселья как проявления языческого культа. Н. М. Гальковский относит появление на Руси разбираемого Слова к XIV в. «Многие только называются христианами, – говорит автор, – а обычаями и делами смешались с неверными. Много несправедного – плясания и плескания рук, песни сатанинские, не часто ходите к учителю, а на игрища и на беседы по полдню и более пребудут; смехотворцы, кощунники, скомрахи – все сходятся смотреть» (Гальковский 1913: 250). В «Почуении Иоанна Златоуста о играх и плясании», распространившемся на Руси с XVI в., указывается, что бес соблазняет «ино-го на кощуну и на песни сотонины оучат, а иных на плесканье и на гоуденье, а других потычут плясанию, иже всех злее <...> плясоущия жена». Далее пляшущая женщина называется невестой сатаны и любовницей дьявола, супругой бесам. В другом списке указанного «Почуения» прямо говорится, что «всех же играний проклятое есть многовертимое плясание. то бо отлучает человеки от бога и во дно адово ведет» (Гальковский 1913: 188–189).

Русские авторы перерабатывали переводные произведения применительно к местным нуждам, составляли компиляции, для большей убедительности подписывая свои труды именами первоучителей. Сочинения русских авторов написаны в русле очень давней традиции и развивают те же идеи, что и первоисточники, к которым они восхо-

дят. Составитель «Слова святых отец, како духовно празновати» (XV–XVI в.) убеждает своих читателей проводить праздники в «чистоте духовно, а не на позоры ни на игры оупражняти» (Гальковский 1913: 200–203). Тот же пафос имеет «Слово о неделе блаженного Евсевия архиепископа» (XVI в.), направленное против «ленивых», которые не ходят в церковь, а собираются на улицу и на игрища. «Горе тем будет, аще того ся не останут», – заключает автор (Гальковский 1913: 204–207).

Осуждение мирских увеселений содержится в Поучении митрополита Даниила (годы пребывания на митрополичьей кафедре 1522–1539), в котором акцент делается на неподобающем поведении священнослужителей: «Ныне же некие из духовного сана – пресвитеры, и диаконы, и поддиаконы, и чтецы, и певцы – глумятся и играют на гусях, на домрах, смычками, и даже в кости, и в шахматы, и в шашки, и в песнях бесовских». Тем самым они «себе и другим великий вред приносят» (Поучение Даниила 2000).

Осуждение народных развлечений на Иванов день (качели, пляски и песни, возжигание костров и скакание через них) можно найти в «Слове о суеврии» Симеона Полоцкого (середина XVII в.): «Есть обычай богомерзкий в странах наших российских: в городах и в селах, и в деревнях. Ставят некие виселицы, называемые просто качели, на них и малые и великие привыкают качаться с большой опасностью для здоровья своего, часто и жизни лишаясь, и всегда с грехом. То, что в древности идолослужители в честь своих лжебогов делали, мы и сейчас совершаем. <...> Среди христиан и второй обычай поганский есть – нелепое плясание и скакание со сквернословным припеванием. Такие христиане и вправду по делам своим могли бы называться Иродианами последователями, ибо дочери Ирода подражают они, той бесчестной плясунье, из-за пляски которой обезглавлен был Иоанн Предтеча. <...> Третий греховный навык встречается у православных в навечерие праздника Рождества святого Иоанна Предтечи. По языческим обычаям, возжигают люди огонь, скачут через него и называют свое торжество “купало”» (Красноречие Древней Руси 1987: 382–383). Обличение игрища в канун этого праздника содержится и в «Повести о девицах Смоленских, како игры творили» (середина XVII в.), где описывается наказание св. Георгием «дев и жен» за участие в «бесовском сборище»: «... все оне тотчас окаменели, и донныне на поле том видны, стоят, как люди: в поучение нам грешным, чтобы так не творили, да не будем с дьяволом осуждены в муку вечную» (Буслаев 1861: 14–15).

Очень редко в такого рода произведениях можно встретить сведения об играх в узком смысле

слова. Одним из них является упоминание в Житии архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия обид, которые будущему святому приходилось терпеть в детстве от своих сверстников: «...как обычно бывает с резвыми детьми, играя и насмехаясь, набрасывались они на благоразумного отрока с криком, когда били и пихали его кулаками, когда наносили удары святому, держа в руках жгуты из грубого холста...» (Житие Дионисия 2006: 362). Вероятно, последнюю забаву можно идентифицировать как игру «в жгуты» (см. ниже).

Светское, рационалистическое отношение к играм установилось только в Петровское время, когда произошла «идеологическая реабилитация, секуляризация и конституирование смеха как равноправного, законного ингредиента культуры» (Ланченко 2000: 152). Игры вводились даже в распорядок дня семинаристов. Так, в «Положении о Семинарии при Академии для воспитания священнослужителей» (1721 г.) говорится: «На всяк день два часа определить на гулянье семинаристам, а именно: по обеде и по вечери, и тогда б не вольно никому учиться, и ниже книжки в руках иметь. А гулянье было бы с играми честными и телодвижными, летом в саде, а зимою в своей же избе; ибо сие и здравью полезно быть, и скуку отгоняет. А еще лучше таковые избирать, которые с потехою подают полезное некое наставление» (Духовный регламент 1904: 63). Таким образом, утверждение светской культуры отразило изменения религиозных верований и менталитета, веселье и игры перестали восприниматься как недостойные христианина.

Документы демонстрируют новое отношение государства к народным развлечениям, что отражено в Указе 11 от июля 1743 г., который предписывал соблюдение норм благочестивого поведения во время крестных ходов и совершения в храмах литургии: «Кулачных боев, скачек и плясок и конского ристания и других безчиний чинено не было. <...> Хотя при том некоторые народные забавы и бывают, и то чинится по окончании церковной службы для народного полирования, а не для какого безобразия; а до окончания церковной службы и крестного хождения, оное чинить запретить» (О запрещении 1830: 847–848). По замыслу его авторов, отражающему официальную позицию, развлечения должны служить воспитанию благородных манер («народному полированию»), тех правил поведения, которые бы соответствовали новым представлениям, характерным для секулярного общества.

Информативным источником, позволяющим получить сведения о средневековых развлечениях, были исповедные вопросы, содержащиеся в рукописных сборниках уставов и чинов исповеди. Они были адресованы всем категориям населения и

учитывали половозрастные (мужчины и женщины, молодые и пожилые) и социальные (священники, миряне различного статуса и занятий) характеристики (*Корогодина* 2006). Вопросы, задаваемые священником во время исповеди, включали различные возможные для данной категории лиц грехи. Что касается грехов, связанных с весельем, смехом и игрой, то их список примерно одинаков для всех. Внимание к этой стороне жизни обусловлено тем, что развлечения рассматривались как поведение, имеющее нехристианский, бесовский характер, которое требовало искоренения.

В «Правиле о церковном устройении» из сборника XV–XVI в. Чудовского монастыря указывается на недопустимость игры в кости и шахматы для священнослужителей: «Аще поп <...> играет леки и шахи и на беседе сидит. Аще же не отстанется, да извержется», «Аще поп или дьякон леки играет и упивается, на позоры ходит и пустошные беседы, да постится М (40) дни. Аще то не отстанет, да извержен будет» (*Смирнов* 1912: 85, 92). В Требнике XVI в. тоже осуждается игра священнослужителей в шахматы и кости: «Не пел ли еси песней мирских», «Не играл ли еси шахматы или лики или в гусли?» (*Алмазов* 1894: 183 [Вопрос игуменам и священноинокам, по Требнику XVI в.]). В исповеди по отцу душевному (XVII в.) содержатся вопросы: «Не играл еси шахматы?», «Не бил ли ся яицы, не потолкал ли еси красными яицы в зубы?», «Не играл ли игры сотонинские или смотрех кое игр?» (*Алмазов* 1894: 181 [Вопросные статьи в русских уставах исповеди. Исповедь по отцу душевному дьяконская, XVII в.]).

В перечень мужских грехов входили: «Или игрецци играли и песни пел скомороши», «Или смеялся до слез», «Или в строуны и в сопели и иными играми тешился» (*Алмазов* 1894: 152–153 [Требник XVI в. Вопросы мужам и отрокам]). Согласно вопросам в «Книге об исповеди, избранной от разных книг» (начало XVIII в.), адресованным как мирянам, так и священнослужителям, недостойными занятиями были: «Песни скверны не поешь ли и не слушаешь ли?», «Игрищ на святках слушать не ходишь ли, или на них смотришь с любовью», «Тонцов не водишь ли, не пляшешь ли, и в том другим соблазн бывает» (*Алмазов* 1894: 158).

В одном из сборников, датируемых серединой XVIII в., содержится перечень развлечений, характерных для святок: «Аще золото хоронят или жмурками играют или шахардами, или дланями плещут, или под дверию или окнами слушают, или лица своя сажами марают, или трепицами главу свою мочат, или жгутами бьются, и в гоусли и в домры и сопели и в бубны и ленки шахматами и зернию и картами, таковых святые отцы по S (6) лет запретиша, а с людьми верными не молитися и не ясти D (4) лета.

а поклонов PН (150) на день. и T (300) молитв. сходящие. хлеб с водою и солию» (*Гальковский* 1913: 92–93 [Статья Румянцевского сборника, посвященная суевериям. 1754 г.]).

Вопросы с подробным перечислением грехов, адресованные различным категориям кающихся, можно найти в рукописном требнике XVIII в.: «...сотворил еси пир смехотворение и плясание или слушал еси скоморохов. или гуслиника или пел еси песни бесовские или слушал еси иных поющих». Вопросы приказным людям: «Согреших <...> игранием и плясанием скаканием и песен бесовских и долонным плесканием и всякими играми сатанинскими. Согреших слушая гудение гуслей и всякаго скоморошества бесовска неистовства». «Исповедание детям малым... согреших... песнями бесовскими и всякими играми сатанинскими». Вопросы девицам и женам: «... или плесала еси или песни пела или упилася еси без памяти. Или слушала еси скоморохов и всяких игр бесовских или им мзду давала». Исповедание женам: «Согреших в церкви в мыслех нечиста и в смеянии до слез и в шептании и празднословии <...> И песен бесовских и долонных плесканием и всякими играми сатанинскими...». Вопросы священникам и инокам: «не пел ли еси песен мирских, не играл ли еси шахматы или зернею или лейками или в гусли или во иныя игры. <...> Согреших г-не отче на игрищах позоров смотря и скомрахов и всяких игр бесовских прилежне смотря и сам та сотворях и повелевах игры творити и шахматы и лейки и зерньми и прочая бесовская начинания сотворих и смотрех» (Чин исповеди. XVIII–XIX вв.). В другом документе, относящемся к этому же периоду, содержались вопросы к «женам»: «Согреших... любя игры и плясания», «согреших... плясанием, и в песнях бесовских, и долонным плесканием, и всякими играми сатанинскими» (*Мангилев* 1998: 328–329).

Таким образом, епитимийники, несмотря на свою многочисленность и адресацию различным группам кающихся, содержат практически один и тот же перечень игр, в число которых входят шахматы, леки (кости), зернь, тавлеи (вид шашек), лодыги, карты, битье крашеными яйцами (См. также: *Корогодина* 2006: 492, 493, 495, 497, 498, 499, 501, 503, 531, 535). Можно уловить некоторую гендерную асимметрию запретов. Так, развлечения с пением и пляской более характерны для женщин, азартные игры – для мужчин.

Подводя итог, выделим те формы игрового поведения, которые вызывали осуждение со стороны церкви. Во-первых, это развлечения святочного цикла: колядование, ряженье (в частности, вождение медведя, тура, кобылки) и надевание масок («харь»), загадывание загадок, рассказыва-

ние сказок, игра (или гадание) золото хоронить, жмурки, жгутами биться, тряпицами голову мочить, шахарда (чехарда), лодыги, леки (лейки, ленки, то есть кости).

Во-вторых, развлечения весенне-летнего цикла, приуроченные к Пасхе, Рождеству Иоанна Крестителя, Троице и некоторым другим праздникам: качели, скакание на досках, битье крашеными яйцами, зажигание костров и веников, катание с гор горящих бочек, кулачный бой и драки, борьба, конные скачки.

А также развлечения, которые не имели календарной привязки: игрище («бесовское сонмище»), представления скоморохов, вождение медведя, пляска с собачками, пляски с «долонным плесканием», пение песен, игра на музыкальных инструментах. Сюда же относятся и азартные игры: зернь, кости, тавлеи, карты, шахматы, хотя нередко они могли быть приурочены к святочному периоду.

Упомянутые в древнерусских и средневековых источниках формы народного веселья имеют прямое соответствие развлечениям, бытовавшим в XIX–XX вв. и неоднократно описанным этнографами. Ряд из них хорошо известен и не нуждается в пояснениях (пение песен, пляски с хлопаньем в ладоши, игра на музыкальных инструментах, представления скоморохов, колядование, ряженье, кулачный бой, драки и борьба, загадывание загадок, рассказывание сказок и др.). Другие же вызывают вопросы и требуют комментариев. В частности, современному человеку непонятно гонение на шахматы, которые в новейшей истории относились к интеллектуальным занятиям. Порицание игры в шахматы было связано, по-видимому, с тем, что она еще сохраняла прогностический характер, то есть рассматривалась как обращение к нечистой силе с целью узнать будущее, как магическая практика, о чем говорится в Паисиевском сборнике (конец XIV – начало XV в.): «игра та от беззаконных халдей, жрецъ бо идольский тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельщенье сатанино» (Смирнов 1912: 138)⁴. Игрой, близкой к шахматам и шашкам и представлявшей собой их симбиоз, были тавлеи (Меркулов 2011; Иванов 2019; Пархимович 2020). Запрет названных игр для духовных лиц объясняется тем, что они считались пустым времяпрепровождением, отвлекали от молитв и исполнения прямых обязанностей. И кроме того, эти игры, наряду с игрой в кости и карты, имели соревновательный, азартный характер и относились к числу «закладных» (Сл.РЯ 1978: 212), где игроки должны были выставлять на кон определенное количество денег или какое-либо имущество, которые в случае выигрыша победитель забирает себе.

По этой же причине подвергались запретам игры в зернь и в карты, которые уже в средневековый период потеряли связь с языческими обрядами. Азартный характер этих игр и сопутствующие им большие проигрыши были причиной «оскудения» и полного разорения многих людей, что толкало их на разбой. Зернь – незамысловатая игра, состоящая в бросании игровых косточек. Вот как описывал ее известный историк Н. Н. Костомаров: «Зернью назывались небольшие косточки с белой и черною стороною. Выигрыш определялся тем, какою стороною они упадут, если будут брошены; искусники умели всегда бросать их так, что они падали тою стороною, какою хотелось» (Костомаров 1860: 144). Большинство игроков не обладали таким умением и надеялись на счастливый случай, их привлекала возможность быстро и без труда обогатиться, что случалось далеко не всегда.

Правительством предпринимались меры по ограничению азартных игр. Так, в Уложении царя Алексея Михайловича, утвержденном Земским собором в сентябре 1649 г., указывалось: «А которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зернью играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают, и о таких ворах на Москве и в городех и в уездах учинити заказ крепкой и биричем кликати по многия дни <...> и тем вором чинити указ тот же, как писано выше сего о татех» (Уложение 1913: 267).

Застигнутых за игрой в зернь или в другие азартные игры полагалось бить батогами. Приказчику на астраханских соляных озерах предписывалось следить, чтобы «торговые люди и стрелцы и судовые работные люди и юртовские татаровя <...> зернью и карты не играли, и вином и табаком не торговали <...> а которые учнут у соляного озера зернью и иными какими закладными играми играть, и вином и табаком торговать, и драки и бои меж собою чинить <...> и ему Дмитрею тех судовых работных людей, за ослушанье и за зернь бить батоги смотря по вине» (АИ 18426: 287 [Воеводский наказ о должности приказчика на Астраханских Плетенковских соляных озерах. 1687 г.]).

Об играх в лодыги (лодыжки) и леки или лейки (кости) можно получить представление по этнографическим материалам. Еще в середине XX в. эти игры сохранялись во многих местах как святочное развлечение, что говорит о неполном забвении их обрядовой сущности (Морозов, Слепцова 2004: 652–661). К числу святочных развлечений относятся также широко распространенная и хорошо известная игра в жмурки, которая в прошлом являлась частью как календарных, так и семейных обрядов (Богданов 2000; Морозов, Слепцова 2004: 691–696), игры «золото хоронить» и «в жгуты» («жгутами бьются»).

Что касается упоминания развлечения «золото хоронить», то из источника не ясно, идет ли речь о святочном гадании с подблюдными песнями или же об игре, которая связана с ним по происхождению. Гадание состояло в том, что под пение припевок доставали из блюда какие-либо предварительно положенные туда каждым участником мелкие предметы (кольца, брошки, пуговицы и т.п.) и в зависимости от смысла прозвучавшей песенки судили о судьбе владелицы вещи (Морозов, Слепцова 2004: 698–702). Наиболее раннее описание игры (сделанное в Яренском у. Вологодской губ.) приведено у И. П. Сахарова: «По окончании святочных подблюдных песен начинали “хоронить золото”. Оставшееся кольцо от подблюдных песен одна из девушек брала в руку и ходила около подруг, которые сидели, сложив руки на коленях. Пока пели первые четыре стиха <...> первая девушка потихоньку клала кольцо в чьи-нибудь руки, а остальные передавали его одна другой. Песня кончилась. Кто хоронил кольцо, тот должен был угадать, у кого оно. Если отгадает, то игра оканчивалась, если же нет, то начинали сначала» (Сахаров 1838: 48–49). Другие варианты игры ближе к молодежной святочной «женитьбе», в ней участвовали парни и девушки и на первый план выходил мотив выбора пары.

Игра «в жгут» («жгутами бьются») известна в нескольких вариантах при общей игровой схеме: водящий, находящийся в кругу, должен определить того, кто ударил его жгутом, передающимся игроками друг другу втайне от водящего. Причем игроки могли стоять в кругу, тесно прижавшись плечами, и тогда жгут двигался за их спинами, или же сидеть, спрятав ноги в ворохе соломы или под одеждой, в этом случае жгут передавали под коленями. Другая разновидность этой игры заключалась в том, что водящему завязывали глаза и он должен был угадать ударившего его игрока (Морозов, Слепцова 2004: 702–705).

Пожалуй, наибольшее затруднение вызывает упоминание об обычае под названием «трепицами главу свою мочат». Здесь, по-видимому, речь идет о забаве, отмеченной А. А. Шустиковым у маленьких девочек в Кадниковском у. Вологодской губ.: «Одна из девочек на малой беседе (здесь обычно прядут не лен, а какую-нибудь дрянную кудель) встает с лавки и просит у всех остальных кудели “на мокрушу” и ей подают. Просьбу свою она выражает так:

Сава, Сава, Савичу!
 Дай кудели на свичу,
 На мараковичу!⁵
 Кто даст,
 Тому спасс,
 Кто не даст,
 Тому чирей в глаз!

Насбиравши таким образом достаточное количество кудели, девочка берет лучину и обмазывает вокруг нее эту кудель в виде факела. Затем берет чашку или блюдо с водой и обходит с ними всю беседу, спрашивая каждого отдельно: “Максим по углу лез?”. Ей должны ответить: “Лез!” – “Максим по углу тряс?” – “Тряс!” – отвечают ей. Но девочка с мокрушей не унимается и спрашивает еще: “Максим по углу натряхивал?”. На что должны ответить: “Натряхивал”. Если вопрошаемая или вопрошаемый не сумеет ответить без смеха и улыбнется, то немедленно получает за это удар по лицу “мокрушей”, которую девочка предварительно смочит в воде, почему и названо это “мокрушей”. Но так как вопросы ставятся именно с той целью, чтобы вызвать смех у вопрошаемых, и притом вся беседа помирает со смеху, то понятно, что никого во всей беседе не окажется, чтобы ответил, не рассмеясь, и “мокруша” никого не минет – все перепачкаются. И саму девочку с “мокрушей” тоже в конце концов перепачкают» (Шустиков 1895: 95). Описанная забава, несмотря на свою незамысловатость, в прошлом, по-видимому, еще сохраняла отчетливые следы архаичных представлений о возрождающей силе смеха (Пропт 1999: 162–163) и поэтому подвергалась запрету.

Общей чертой всех описанных игр является мотив поиска и угадывания. Стремление узнать, «разгадать» судьбу при помощи бросания жребия или каких-либо других действий очень характерно при начале нового календарного периода. Другой общий мотив запрещаемых игр – контакт с предком, в роли которого выступал водящий в игре и благодаря взаимодействию с которым можно было бы повлиять на судьбу и добиться желаемых благ. То есть выявленные в письменных памятниках сведения об игровой культуре Средневековья и раннего Нового времени раскрывают их включенность в языческую обрядность и демонстрируют связь с магическими практиками. Обе эти идеи, еще улавливаемые в тот период, в корне противоречили отношению к человеческой жизни как зависящей от Божественного промысла и были достаточным основанием для осуждения и преследования такого рода развлечений. Данными положениями далеко не исчерпывается потенциал возможных подходов к изучению игровой культуры Средневековья. Игры и развлечения как компонент древнерусской культуры – тема, еще нуждающаяся в дальнейшем исследовании с использованием сравнительно-исторического подхода и привлечением усилий ученых различного профиля.

Примечания

- ¹ Библиографию см.: Лушников 2011; Грузнова 2012; Павлов 2012; Лушников 2017; Петрухин 2019.
- ² О связи в христианстве веселья, смеха и греха см.: Карасев 1996: 42–44, 59.
- ³ Название «еллины» применительно к язычникам перешло в древнерусскую литературу из византийской и употреблялось на протяжении нескольких веков (Черепанова 1983: 19).
- ⁴ Об игре в шахматы в подробно писал И. М. Линдер (Линдер 1975: 98–102).
- ⁵ Марати – пачкать, грязнить (Сл.РЯ 1982: 29). Но также это действие можно трактовать и как «отмечать», «выделять», «ставить метку».

Источники и материалы

- ААЭ 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т. 1. СПб.: Тип. 2 Отделения Собственной е. и. в. Канцелярии, 1836.
- АИ 1842а – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1842.
- АИ 1842б – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1842.
- Алмазов 1894 – Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. 3. Отд. 4. Одесса: типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1894.
- Буслаев 1861 – Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. СПб.: издание Д. Е. Кожанчикова, 1861.
- Веселовский 1909 – Веселовский С. Б. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М.: Печ. С. П. Яковлева, 1909. С. 291–316.
- Гальковский 1913 – Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.
- Домострой 2007 – Домострой / издание подготовили В. В. Колесов, В. В. Рождественская. Серия «Литературные памятники». СПб.: Наука, 2007.
- Духовный регламент 1904 – Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого императора и самодержца всероссийского. М.: Синодальная типография, 1904.
- Житие Дионисия 2006 – Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия / подготовка текста, перевод О. А. Белобровой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. СПб.: Наука, 2006. С. 356–463.
- Забелин 1869 – Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М.: Типография Грачева и комп., 1869.
- Иванов 1850 – Иванов П. Описание государственного архива старых дел. М.: тип. С. Селивановского, 1850.
- Инструкция старостам 1830 – Инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от святейшего патриарха московского Адриана 26 декабря 1697 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 томах. Т. 3. СПб.: Тип. 2 отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1830.
- Кормчая 1912 – Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М.: Типография В. В. Ракошинского, 1912.
- Костомаров 1860 – Костомаров Н. Н. Очерк домашней жизни и нравов русского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: типография Карла Вульфа, 1860.
- Красноречие Древней Руси 1987 – Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов и коммент. Т. В. Черторицкой. М.: Советская Россия, 1987.
- Мангилев 1998 – Мангилев П. И. Вопросные статьи на исповеди в рукописном сборнике XVIII в. // Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства. Екатеринбург: Волот, 1998.
- О запрещении 1830 – О запрещении продавать в кабаках вино и питья во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквях и о непозволении кулачных боев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 томах. Т. 11. СПб.: Тип. 2 Отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1830.
- Определения 1880 – Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II. 1274 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880.
- Память Матвею Лобанову 1839 – Память митрополичьих дел приставу Матвею Лобанову о запрещении скомракам и медведчикам промышлять играми в Устюжском и Соль-Вычегодском уездах. 1657. Октября 23 // Вологодские губернские ведомости. 1839. № 33.

- Патриарший указ 1830 – Патриарший указ, объявленный Стрелецкому приказу о запрещении чинить игрища 24 декабря в навечерии Рождества Христова, также и в продолжении святок // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 томах. Т. 2. СПб.: Тип. 2 отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1830.
- ПВЛ 1950 – Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / подготовка текста Д. С. Лихачева; перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950.
- Послание игумена Памфила 1846 – Послание Елезарова монастыря игумена Памфила псковским наместнику и властям о прекращении народных игрищ в день Рождества св. Иоанна Предтечи. 1505 г. // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1846.
- Поучение архиепископа Ильи 1880 – Поучение новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) 1166 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880. Приложение.
- Поучение Даниила 2000 – Поучение Даниила, митрополита всяя Руси / подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Поньрко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 360–371. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5111> (дата обращения 11.09.2021).
- Поучение митрополита Петра 1880 – Поучение митрополита Петра духовенству и мирянам. 1308–1326 гг. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880.
- Правила VI Собора – Правила Святого Вселенского шестого Собора, Константинопольского // 6 Вселенский Собор. Правила и постановления. <http://heretics.wapper.ru/library/docs/sobor/sobor6.htm> (дата обращения 19.02.2021).
- Сахаров 1838 – Сахаров И. П. Песни русского народа. Т. 1. СПб.: Типография Сахарова, 1838.
- Святительское поучение 1880 – Святительское поучение новопоставленному священнику (конец XIII в.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880.
- Сл.РЯ 1978 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978.
- Сл.РЯ 1982 – Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 9. М.: Наука, 1982.
- Слова и поучения 1862 – Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 4. Смесь. М.: Типография Грачева и комп, 1862.
- Слово о посте 1858 – Памятники древнерусской духовной письменности. Слово о посте // Православный собеседник. 1858. № 1. Казань.
- Смирнов 1912 – Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. М.: Университетская типография, 1912.
- Соболевский 1890 – Соболевский А. К истории народных праздников в Великой Руси // Живая старина. 1890. № 1.
- Стоглав 1863 – Стоглав. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1863.
- Иванов 2019 – Иванов С. Тавлеи. Правила. Открытый турнир по средневековым играм. 15.01.2019. <https://vk.com/@-176455088-tavlei-pravila>
- Уложение 1913 – Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М.: Государственная типография, 1913. Гл. 21.
- Харузин 1897 – Харузин Н. К вопросу о борьбе Московского Правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII в. // Этнографическое обозрение. 1897. № 1.
- Чин исповеди. XVIII–XIX вв. – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 777. Собрание П. Н. Тиханова. Оп. 3. № 694. Чин исповеди. XVIII–XIX вв. Без пагинации.
- Шустиков 1895 – Шустиков А. Народные игры в Кадниковском уезде // Живая старина. 1895. № 1. С. 86–100.

Научная литература

- Алпатов С. В., Шамин С. М. Игры детей в культуре допетровской Руси // Российская медиевистика на рубеже XXI века. Сер. «Trierer Studien zur Slavistik». Leipzig, 2016a. С. 123–136.
- Алпатов С. В., Шамин С. М. Феномен игры в культуре допетровской Руси: от языческого обряда к театральному представлению // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы научной конференции. М.; Вологда: Древности Севера, 2016б. С. 138–148.
- Богданов К. А. Игра в жмурки // Русский фольклор. Т. 30. СПб.: Наука, 2000. С. 3–30.

- Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетейя, 2001.
- Голейзовский К. Я. Образы русской народной хореографии. М.: Искусство, 1964.
- Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских: историко-этнографическое исследование. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Грузнова Е. Б. На распутье Средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV – XVI в.). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2012.
- Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб.: Российский институт истории искусств, 1994.
- Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996.
- Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975.
- Линдер И. М. Шахматные реалии в былинах // Советская этнография. 1984. № 3. С. 29–40.
- Лушников А. А. Кризис язычества в восточнославянском обществе в VII–X вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева. Пенза, 2011.
- Лушников А. А. От «славянского язычества» к «народному христианству»: антиязыческая литература как исторический источник в отечественной историографии // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2017. № 2 (26). С. 86–91.
- Лушников А. А. Антиязыческие тексты в составе Паисиевского сборника: замыслы древнерусских книжников // Российская история. 2018. Вып. 6. С. 121–135. <https://doi.org/10.31857/S086956870002290-0>
- Меркулов В. Во что играли немецкие короли с Ильёй Муромцем? // Русская Германия. 2011. № 35. 02.09.2011. http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=3140&Itemid=0
- Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004.
- Павлов К. А. Проблема языческих верований древних славян в трудах современных отечественных ученых. Дисс. ... канд. ист. наук. Государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова. М., 2012.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000.
- Пархимович С. Г. Настольные игры в сибирских городах в конце XVI – XVIII в.: тавлеи // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 100–111.
- Пашина О. А. (отв. ред.). Народное музыкальное творчество. Учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005.
- Петровская И. Ф. Другой взгляд на русскую культуру XVII века. Об инструментальной музыке и о скоморохах: исторический очерк. СПб.: Композитор, 2013.
- Петрухин В. Я. Русь христианская и языческая. Историко-археологические очерки. СПб., Издательство Олега Абышко, 2019.
- Пропт В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 1999.
- Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Ломоносов, 2013.
- Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 110–114.
- Сукина Л. Б. «Еллинская прелесть»: образ игры и «игрища» в русской культуре XVI–XVIII веков // Ученая игра: сборник материалов научной конференции / редкол.: И. А. Припачкин (отв. ред.) [и др.]. Курск: Союз, 2006. С. 113–122.
- Сукина Л. Б. «С кабаком и скоморохами»: девиантное поведение русского человека XVI–XVII вв. в церкви и во время религиозных праздников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 3. С. 72–81.
- Черепанова О. А. Наблюдения над лексикой Стоглава. (Лексика, связанная с понятиями духовной и культурной жизни) // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. Л.: Издательство ЛГУ, 1983.
- Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора: учебное пособие для музыкальных вузов и колледжей. В двух частях. 2-е изд., испр. и доп. М.: Музыка, 2018.

References

- Alpatov, S. V., and S. M. Shamin. 2016. Fenomen igry v kul'ture dopetrovskoy Rusi: ot yazycheskogo obryada k teatral'nomu predstavleniyu [The phenomenon of play in the culture of pre-Petrine Russia: from pagan rite to theatrical performance]. In *Ot Smuty k Imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauchnoy konferentsii* [From the Time of Troubles Towards the Empire. Recent discoveries in archaeology and history of the 16th – 18th-centuries Russia: The proceedings of the conference], 138–148. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa.

- Alpatov, S. V., and S. M. Shamin. 2016. Igrы detey v kul'ture dopetrovskoy Rusi [Children's games in the culture of pre-Petrine Russia]. In *Rossiyskaya mediyevistika na rubezhe XXI veka* [Russian medieval studies at the turn of the XXI century], 123–136. Leipzig.
- Bogdanov, K. A. 2000. Igra v zhmurki [Playing blind man's buff]. *Russkiy fol'klor*. Vol. 30: 3–30. St. Petersburg: Nauka.
- Cherepanova, O. A. 1983. Nablyudeniya nad leksikoy Stoglava. (Leksika, svyazannaya s ponyatiyami dukhovnoy i kul'turnoy zhizni) [Observations on the vocabulary of Stoglava. (Vocabulary related to the concepts of spiritual and cultural life)]. In *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Russian Historical Lexicology and Lexicography]. Vol. 3. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Goleyzovskiy, K. Ya. 1964. *Obrazy russkoy narodnoy khoreografii* [Images of Russian folk choreography]. Moscow: Iskusstvo.
- Gorbunov, B. V. 1999. *Voinskaya sostyazatel'no-igrovaya traditsiya v narodnoy kul'ture russkikh: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye* [Military competition-game tradition in the Russian folk culture: historical and ethnographic research]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiyskoy akademii nauk.
- Gruznova, Ye. B. 2012. *Na rasput'ye Srednevekov'ya: yazycheskiye traditsii v russkom prostonarodnom bytu (konets XV–XVI vv.)* [At the Crossroads of the Middle Ages: Pagan Traditions in Russian Common Life (late 15th – 16th centuries)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St.-Peterburgskogo universiteta.
- Ivleva, L. M. 1994. *Ryazhen'ye v russkoy traditsionnoy kul'ture* [Dressing up in Russian traditional culture]. St. Petersburg: Rossiyskiy institut istorii iskusstv.
- Karasev, L.V. 1996. *Filosofiya smekha* [The philosophy of laughter]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.
- Korogodina, M. V. 2006. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vekakh: issledovaniye i teksty* [Confession in Russia in the XIV – XIX centuries: research and texts]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Linder, I. M. 1975. *Shakhmaty na Rusi* [Chess in Russia]. Moscow: Nauka.
- Linder, I. M. 1984. Shakhmatnyye realii v bylinakh [Chess realities in epics]. *Sovetskaya etnografiya* 3: 29–40.
- Lushnikov, A. A. 2011. *Krizis yazychestva v vostochnoslavianskom obshchestve v VII–X vv.* [The crisis of paganism in East Slavic society in the 7th – 10th centuries]. PhD diss. Mordovskiy gosudarstvennyy universitet imeni N. P. Ogareva. Penza.
- Lushnikov, A. A. 2017. Ot «slavyanskogo yazychestva» k «narodnomu khristianstvu»: antiyazycheskaya literatura kak istoricheskiy istochnik v otechestvennoy istoriografii [From «slavonic paganism» to «folk christianity»: antipagan writings as a source for russian historiography]. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta* 2 (26): 86–91.
- Lushnikov, A. A. 2018. Antiyazycheskiye teksty v sostave Paisiyevskogo sbornika: zamysly drevnerusskikh knizhnikov [Antipagan texts composed collection of Paisiy: plans of ancient scribes]. *Rossiiskaia istoriia* 6: 121–135. <https://doi.org/10.31857/S086956870002290-0>
- Merkulov, V. 2011. Vo chto igrali nemetskiye koroli s Il'yoy Muromtsem? [What did the German kings play with Ilya Muromets?]. *Russkaya Germaniya* 35. 02.09.2011. http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=3140&Itemid=0
- Morozov, I. A., and I. S. Sleptsova. 2004. *Krug igry: Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.)* [Circle of the game: Celebration and game in the life of a North Russian peasant (XIX – XX centuries)]. Moscow: Indrik.
- Panchenko, A. M. 2000. Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms]. In *Panchenko A. M. O russkoy istorii i kul'ture* [About Russian history and culture]. St. Petersburg: Azbuka.
- Parkhimovich, S. G. 2020. *Nastol'nyye igry v sibirskikh gorodakh v kontse XVI–XVIII vv.: tavlei* [Board games in Siberian cities at the end of the 16th – 18th centuries: tavlei]. *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura* 1 (45): 100–111.
- Pashina, O. A., ed. 2005. *Narodnoye muzykal'noye tvorchestvo. Uchebnik* [Folk musical creativity. Textbook]. St. Petersburg: Kompozitor.
- Pavlov, K. A. 2012. Problema yazycheskikh verovaniy drevnikh slavyan v trudakh sovremennykh otechestvennykh uchenykh [The problem of pagan beliefs of the ancient Slavs in the works of modern domestic scientists]. PhD diss., Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov.
- Petrovskaya, I. F. 2013. *Drugoy vzglyad na russkuyu kul'turu XVII veka. Ob instrumental'noy muzyke i o skomorokhakh: istoricheskiy ocherk* [Another look at Russian culture of the 17th century. On instrumental music and buffoons: a historical sketch]. St. Petersburg: Kompozitor.
- Petrukhin, V. Ya. 2019. *Rus' khristianskaya i yazycheskaya. Istoriko-arkheologicheskiye ocherki* [Russia is Christian

- and pagan. Historical and archaeological essays]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
- Propp, V. Ya. 1999. *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klore* [Problems of comic and laughter. Ritual laughter in folklore]. Moscow: Labirint.
- Romanov, B. A. 2013. *Lyudi i nrayy Drevney Rusi* [People and customs of Ancient Russia]. Moscow: Lomonosov.
- Rybina, Ye. A. 1997. Shashki, «mel'nitsa», shakhmaty [Checkers, «mill», chess]. In *Arkheologiya. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Archeology. Ancient Russia. Life and culture], 110–114. Moscow: Nauka.
- Shchurov, V. M. 2018. *Zhanry russkogo muzykal'nogo fol'klora: uchebnoye posobiye dlya muzykal'nykh vuzov i kolledzhey* [Genres of Russian musical folklore: a textbook for music universities and colleges]. V dvukh chastyakh. 2-oe izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye. Moscow: Muzyka.
- Sukina, L. B. 2006. «Yellinskaya prelest'»: obraz igry i «igrishcha» v russkoy kul'ture XVI–XVIII vekov [«Jellin's prelest'»: the image of the game and the «merrymaking» in Russian culture of the XVI–XVIII centuries]. In *Uchenaya igra: collection of materials of the scientific conference* [Scientific game: collection of scientific conference materials], edited by I. A. Pripachkin, 113–122. Kursk: Soyuz.
- Sukina, L. B. 2008. «S kabakom i skomorokhami»: deviantnoye povedeniye russkogo cheloveka XVI–XVII vv. v tserkvi i vo vremya religioznykh prazdnikov [«With a tavern and buffoons»: the deviant behavior of a Russian person of the 16th–17th centuries. in church and during religious holidays]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* 3: 72–81.
- Vlasova, Z. I. 2001. *Skomorokhi i fol'klor* [Buffoons and folklore]. St. Petersburg: Aleteyya.

MEDIEVAL TEXTS AGAINST PAGANISM AS A SOURCE FOR STUDYING GAME CULTURE

Abstract. The article is devoted to the consideration of the works of literature of Ancient and Medieval Russia and the early modern era, directed against pagan beliefs and practices, as a source for describing the game culture. Mainly normative, canonical and didactic compositions are used, as well as confessional texts, which contain information about entertainment and games. The main attention is paid to games in the narrow sense of the word (games with rules), as the least studied cultural phenomenon of this historical period. This expands the understanding of the game repertoire, the place and status of the game in festive and ceremonial and everyday life, and also makes it possible to trace the process of desacralization of the game, its transition into the sphere of the «worldly». The information about the gaming culture of the Middle Ages and the early modern times revealed in written monuments reveals their involvement in pagan rituals and demonstrates a connection with magical practices, which was the basis for their persecution and prohibition. This circumstance determines the limited use of these sources for the reconstruction of the playing repertoire. The list of games includes only those that were regarded by the church as pagan or violating social order and moral rules. The forms of folk fun mentioned in ancient Russian and medieval sources reveal the origins of a number of folk games that existed in the 19th – 20th centuries and explain their inclusion in calendar rituals.

Key words: Ancient and Medieval Russia, games and entertainment, paganism, anti-pagan literature.

